

Е.В. Суслов

ФЕНОМЕН ФИНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ

На примере участия женщин в политической жизни Финляндии рассмотрены особенности североевропейской модели присутствия женщин в политике. Показаны вехи последовательного продвижения в мире идей и практик гендерного равенства; проведен анализ потенциала категории «политическая культура Финляндии» в области реализации гендерного баланса.

Ключевые слова: гендерное равенство; политическая культура; биологический детерминизм; женское движение в Финляндии.

Положение женщины не только в мире политики, но и в реальной жизни во все времена было незавидным. Гендерное неравенство, возведенное в абсолют, долгое время не подпускало женщин к сфере большой политики. Утвердительный ответ на вопрос о том, должно ли женщине заниматься политикой, был получен по меркам историческим относительно недавно. В 1791 году в разгар Французской революции мало кому известная писательница Олимпия де Гуж пророчески изрекла: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, она должна иметь право подняться на трибуну»¹. За столь дерзкое заявление она поплатилась жизнью, но оно же запечатлело ее имя в анналах истории. Почти через сто лет французская революция, кстати, возвысила имя не только француженки, но и нашей соотечественницы Елизаветы Кушелевой - Дмитриевой, бывшей соратницей Карла Маркса, создавшей и возглавившей вместе с легендарной Луизой Мишель революционную организацию женщин.

Казалось бы, Великая Французская революция с ее утилитарно понимаемыми ценностями свободы для всего народа проторила дорогу для женщины в публичной сфере, поскольку лишь публичная площадка считалась ареной подлинной свободы и реализации гражданских прав. Однако иерархические отношения, продолжавшие составлять основу правил поведения в частной жизни, не допускали женщин к публичной сфере, исходя из сложившегося стереотипа о неспособности женщин выйти за рамки своего биологического предназначения. Ввиду того, что привычным местом пребывания женщин считалась приватная сфера, то они не могли выступать в качестве акторов практик свободы. В конечном счете, биологический детерминизм, трактованный, что все в человеке детерминируется биологией и физиологией, предопределял положение женщины в обществе. Следствием биодетерминизма было стойкое убеждение о наличии существенных различий между маскулинным и феминным.

По мнению исследовательницы из Белоруссии И. Чикаловой, питавшаяся идеями либерализма Великая Французская революция конца XVIII в. оставила женщин даже с меньшим числом свобод, чем они имели до ее начала². Таким образом, публичная сфера, с которой ассоциировалась политическая жизнь, функционировала без женщин. Более того, она отвергала их из собственной системы координат.

«Восстание масс»³ – явление, зафиксированное испанским философом Х. Ортегой – и – Гассетом и означавшее разрушение исторически сложившейся иерархической структуры западных стран, – предполагало уничтожение не только социального, но и полоролевого неравенства между людьми. Подчеркивая забрезжившие перемены в положении европейских женщин, французский философ-просветитель Ж.А. Кондорсе писал: «Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума, мы должны считать полное разрушение предрассудков, создавших неравенство прав между двумя полами, гибельное даже для того, кому оно благоприятствует»⁴.

Упомянутые исторические прецеденты, явление биодетерминизма и признание философа указывают скорее на исключение из правил, которые в силу разных обстоятельств случались во время войн, революций и иных критических ситуаций в стране. Когда же обстановка менялась – все возвращалось на круги своя. И женщина становилась существом подневольным, помещенным в систему координат дома, семьи и детей.

Стереотипы, глубоко засевшие в массовом сознании, создавали асимметричные критерии оценок женщин и мужчин в качестве субъектов политики. Исторически так складывалось, что женщина, как правило, не воспринималась в качестве первого лица, обладающего самостоятельностью суждений, масштабностью мышления, следовательно, способностью к принятию верных управленческих решений. В тех случаях, когда женщине все-таки не отказывали в праве на лидерство, а это зависело от общей культуры в целом и страновой политической культуры в частности, ее образ формировался исходя из мужских стандартов руководителя, политика.

«Маскулинизация» образа женщины-политика, приводила к наделению женского поведения в политике такими характеристиками, как жесткость, граничащая с агрессивностью, обращение к насилию как к последнему аргументу в сложнейших конфликтных ситуациях. Чтобы прослыть лидером, ни в чем не уступающим мужчине в твердости, самоуверенности, женщина была вынуждена придерживаться в политике более жесткой линии поведения, чем мужчина. Е. Бахтеева отмечает, что образ «женщины-мужчины» – один из наиболее распространенных образов, при формировании которого особую роль играет патриархальный тип культуры, который четко дифференцирует основные сферы жизни, в том числе и политику, по половому признаку. Женщины-политики представляются с ярко выраженными маскулинными качествами: ярко выраженная мускулатура, оружие в руках, военная форма, которые ассоциируются с силой, мужеством, отвагой. Все это создает впечатление, что женщине для самореализации и отстаивания своей позиции в политической деятельности необходимо своего рода мимикрирование (подражание) мужской половине политиков. В результате формируется мнение о том, что женщины слишком увлекаются авторитарным стилем управления и поведения, стремятся принимать как можно больше решений⁵.

Похоже, женщинам и в голову не приходило, что возможна иная модель поведения в сфере, считавшейся исключительно мужской. Конечно, для этого должны были измениться сами критерии оценки политического участия акторов

в этой сфере. Но, прежде всего, сама политическая среда, исключая превращение женщины «лишь в форму некоего «украшения» демократического устройства государственных органов, в связи с необходимостью участия в политической сфере таких групп, как молодежь, женщины и другие»⁶. Однако гендерные стереотипы, основывающиеся на гендерной асимметрии, имеют тенденцию к сохранению. Более того, они отягощаются нежеланием женщин задаваться вопросом о предпосылках собственной дистанцированности от политики.

Добровольное отдаление женщин от поиска причин своей ущемленности в политике получило название синдромов: «железной леди» (The Queen Bee Syndrome) и «чуланной феминистки» («The Closet Feminist Syndrome»). Синдром «железной леди» предполагает, что женщины-политики осознают существование проблемы дискриминации, но в связи с тем, что, по их мнению, они добились всего сами (следовательно, и все остальные должны пройти тот же путь), не считают, что обязаны выступать от лица всех женщин. Женщины, «страдающие» синдромом «чуланной феминистки», избегают каких-либо громких высказываний в интересах женщин, опасаясь быть названными феминистками в связи с негативным отношением к феминизму в целом⁷.

Представляется, что синдром «железной леди», явно списанный с образа Маргарет Тэтчер, более распространен и востребован, поскольку жесткость и приверженность к насилию по-прежнему считаются в мире политики наиболее результативными методами достижения успеха. Однако подобная тактика переодевания в «мужские» одежды не приводила к однозначным положительным результатам. Так, в предисловии к книге премьер-министра Израиля Голды Меир (1969-1974) «Моя жизнь» Яков Цур пишет: «Голда не принадлежала к феминисткам. Она достигла своего высокого положения не потому, что была женщиной. В ее времена бытовала поговорка: «Голда – единственный мужчина в правительстве». С характерным для нее сарказмом она замечала по этому поводу: «А если бы про одного из членов правительства сказали, что он – единственная женщина в его составе, – как бы вы посмотрели на это?»⁸. Действительно, с именем Голды Меир связывают беспрецедентную жесткость и бескомпромиссность в политике, чья линия поведения в современных условиях вряд ли требует тиражирования. Намеренная жесткость и стремление к достижению успеха любыми средствами говорит скорее о слабости политика, чем о его силе, поэтому не может обеспечивать институционализации политических конфликтов как необходимого условия их урегулирования.

Принципиально иной представляется североевропейская модель присутствия женщины в политике, отличающаяся от только что воспроизведенной по многим показателям. Одним из самых впечатляющих показателей является количество женщин в парламентах североевропейских стран. Если в таких странах, как США, Бразилия, Великобритания, Франция, Тунис, Индия, Япония, Таиланд и Австралия женщины составляют до 10% парламентариев, а в Китае, Исландии, Австрии и Германии – от 20 до 30%, то в Швеции, Финляндии, Норвегии и Дании женщинам принадлежит от 30 до 40% депутатских мест⁹.

Соперничающими по силе влияния факторами, способствовавшими возведению женщины в сфере политики скандинавских стран и Финляндии в положе-

ние, равное с мужчинами, являются признанием международным сообществом прав женщин как неотъемлемой части прав человека и сопутствовавшее этим завоеваниям политическая культура, поощрявшая многолетнюю борьбу с общественными предрассудками и ограничениями для женщин, подвигавшая самую образованную и эмансипированную часть женщин к деятельному, рациональному участию в политике.

Легитимация идеи гендерного равенства стала возможной благодаря унифицирующим положением женщин в мире нормам международного права, которые были разработаны Организацией Объединенных наций (ООН) и Международной Организацией труда (МОТ) и др. Национальные законодательства по гендерному равенству и правам женщин в разных странах разработаны по-разному, но в целом слабо, что невольно создает условия для ущемления прав женщин. В подобных ситуациях на помощь женщинам, отстаивающим свои права, приходят международно-правовые нормы, принятые мировым сообществом и ратифицированные конкретными странами.

Основополагающим документом, в котором впервые заявлено о приверженности принципу равенства мужчин и женщин перед законом, стала Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г. Этот документ не содержит норм, обязательных к выполнению, поскольку априори имел рекомендательный характер. Декларация формулировала задачи глубоко гуманистического содержания, к выполнению которых должны были стремиться все государства. Так, в Ст. 2 содержится основной принцип равенства и отсутствия дискриминации в отношении пользования правами человека и основными свободами¹⁰. Таким образом, декларация сыграла роль своего рода первоисточника, откуда позже заимствовались идеи для дальнейшего наращивания массива документов по реализации равных возможностей для мужчин и женщин.

В течение трех десятилетий после принятия декларации ООН было принято более 100 документов, направленных на обеспечение гендерного равенства. В этой череде документов – Конвенция о политических правах женщин (1952 год); Конвенция о гражданстве замужней женщины (1957 год); Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 год); Международные пакты об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах (1966 год) и другие документы. Одним из важнейших международных документов – в контексте заявленной темы – является Конвенция о политических правах женщин, которая содержала положение о том, что «Женщины могут быть избираемы, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов» (Ст. 2), а так же «Женщинам принадлежит, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, право занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом (Ст. 3)»¹¹.

Принципиально новые возможности для женщин открывала Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая ООН в 1979 году. Важно отметить, что Конвенция содержала практические рекоменда-

ции по поводу установления специальных квот для более успешного продвижения женщин в политике. В документе говорится, что в национальном законодательстве допускается использование особых мер и процедур, способствующих фактическому выравниванию статуса мужчин и женщин в политической сфере. В соответствии с Конвенцией, рекомендуется использование квот для женщин в представительных (законодательных) органах и структурах исполнительной власти; в списках кандидатов в депутаты; в руководящих органах партий, движений.

ООН продолжала развивать тему гендерного равенства и в дальнейшем, что вылилось, например, в объявленное на период с 1976 по 1985 гг. десятилетие женщин ООН под девизом «Равенство, развитие, мир». Эта акция сделала достоянием мирового общественного мнения неприглядные факты дискриминации женщин в странах преимущественно «второго» и «третьего» миров ¹², обнаружила проблему зависимости положения женщин от формы и содержания политического порядка в странах мира. Становилось очевидным: эмансипация женщин и гендерное равенство есть факторы демократизации.

В сентябре 1995 года в Пекине состоялась Четвертая Всемирная конференция, обсуждавшая положение женщин в мире. Была обнародована новая концепция «паритетной демократии», вобравшая в себя идеи международных женских организаций и движений, которые требовали принятия решительных мер по обеспечению паритетного равенства женщин в структурах власти. Паритет предполагал представленность женщин и мужчин в структурах власти по формуле «50/50».

Важным источником для разработке законов и государственных программ по гендерному балансу следует считать документ Совета Европы, подготовленный отделом по проблемам равенства между мужчинами и женщинами в 1998 году. Документ расширительно толкует подходы к проблеме гендерного равенства, а также знакомит с «позитивным опытом» выравнивания социальных статусов женщин и мужчин в ряде наиболее развитых в этом отношении стран – Дании, Швеции, Финляндии, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии. Стратегия предполагает «инкорпорировать аспекты, связанные с равенством между мужчинами и женщинами, во все сферы и на все уровни политической деятельности» ¹³.

Таковы вкратце вехи последовательного продвижения в мире идей и практик гендерного равенства. При этом не вызывает сомнения тот факт, что гендерное «наступление» оказалось наиболее успешным в странах западной демократии. Замечено, что «наиболее значимые демократические завоевания в последние три десятилетия произошли в области равноправия женщин, расширения их демократических прав. Хотя эта проблема стояла в центре политических дебатов и практической деятельности во всех развитых странах Запада, северные страны определенно задавали тон в дискуссиях» ¹⁴. В том числе Финляндия, где тенденция гармонизации прав мужчин и женщин легла на вполне подготовленную почву политической культуры.

Поэтому в рамках данной статьи для интерпретации феномена субъектности финских женщин в политике предпочтение отдается объяснительному потенциалу категории «политическая культура Финляндии», которая является одной из разновидностей западной политической культуры.

Известно, что в самом упрощенном виде политическая культура представляет собой сплав традиций и обычаев, норм и ценностей, которые в сложном взаимодействии друг с другом определяют поведение субъектов политики в рамках отдельной страны. Несомненно, что в стиле политической деятельности человека проявляются его идеалы, убеждения, отражаются формы освоенного человеком социального и политического опыта, доставшиеся ему от предыдущих поколений.

Долгое время историки и антропологи оперировали понятием «национальный характер», справедливо интерпретируя суть политических процессов, роль политических акторов в них с позиций национальных традиций. Сыграв значительную роль, эта дефиниция уступила место «политической культуре», поскольку стало очевидным, что в силу присущей ей абстрактности она не может охватить всю мозаику сложных отношений, связанных с культурой, политикой, национальной принадлежностью и идентичностью.

Говоря о финском национальном характере, чаще всего принято отмечать свойственный для финнов консерватизм и даже некоторую старомодность. Для них характерно бережно хранить традиции и обычаи, доставшиеся им от предков, и передавать их молодому поколению своих соотечественников. Замечено, что финны медлительны в разговоре, будто нарочито затягивают гласные. Оказывается, тиражируемая на уровне народного фольклора флегматичность у финнов – это тоже дань укоренившейся традиции. Среди финнов аристократы появились очень поздно, но этого было достаточно для того, чтобы в их среде сложился определенный кодекс поведения. Поэтому финский аристократизм предполагает умение говорить мало, но по делу. А вот излишняя разговорчивость, громкий и тем более грубый голос были принадлежностью людей невысокого социального статуса. Финский аристократ своим поведением пытался напоминать британского джентльмена, столь же молчаливого и не обремененного необходимостью куда-то спешить, торопиться.

Проявлением финского национального характера следует считать «отсутствие фразеологического прославления женщины: ни пословиц, ни поговорок, ни даже легкомысленных присказок. И так сложилось не потому, что общество недооценивает свою прекрасную половину. Причины две: во-первых, финнам всегда нелегко давалось публичное признание собственных достоинств и восхваление чужих. А во-вторых, финские женщины с присущей им скромностью и практичностью давным-давно сами предпочли устным комплиментам любезности, прописанные конституционно»¹⁵.

Ограничимся упомянутой толикой финских традиций и обычаев, отдавая себе отчет в том, что они окончательно не проливают свет на феномен женского присутствия в политике, поскольку последнее стало достоянием женщин относительно недавно.

Помня о значительном объяснительном потенциале политической культуры, обратимся к его структуре, содержащей определенные компоненты. С этой целью прибегнем к классическому определению, предложенному Г. Алмондом и Г. Пауэллом, которая предстает в следующем виде: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной поли-

тической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение»¹⁶. По мнению американских исследователей, упомянутые ориентации индивидуального характера содержат несколько элементов: *во-первых*, познавательную ориентацию, суть которой сводится к различению истинности или ложности знаний о политике, *во-вторых*, аффективную ориентацию, воплощающую в себе чувства приязни, отторжения, ангажированности по отношению к политическим субъектам, *в-третьих*, оценочную ориентацию, которая сводится к мнениям и умозаключениям по поводу объектов политики, нуждающихся в оценочных критериях.

Ориентации индивидуального характера формируются в результате социального взаимодействия, поэтому являются продуктом политической социализации, которая представляет собой процесс приобщения человека к нормам и традициям определенной политической системы. Таким образом, политическая культура всегда предстает как форма освоенного людьми противоречивого опыта предшествующих поколений. Либо это наследие принимается, либо не принимается, но в любом случае приобретенная ценностная ориентация есть результат свободного выбора, как форм мышления, так и поведения предыдущих поколений.

Важно в рамках предлагаемой статьи отметить, что политическая культура – это еще и дифференцированная часть общенациональной культуры страны и, на наш взгляд, отношения целого и его части не имеют однозначного линейного характера, т.е. «высокая» общенациональная культура не предполагает наличия столь же «высокой» политической культуры.

Нетрудно заметить, что политическая культура занимает пограничное положение на стыке сфер политики и культуры, поэтому результаты их взаимодействия связаны с политической властью. И, как замечает казанский политолог М. Фарукшин, «все объекты политической культуры обладают тем свойством, что генетически связаны прочными нитями с политической властью и, в конечном счете, служат ее характеристикой. Поэтому, раскрывая содержание политической культуры, следует в первую очередь сказать, что она есть совокупность определенных результатов человеческой деятельности, связанных с функционированием политической власти, в виде политических институтов и их взаимодействия, представлений, ценностей и ценностных ориентаций, установок, образцов поведения, символов»¹⁷.

Итак, политическая культура является индикатором именно политической сферы жизнедеятельности человека, что позволяет обозначить границы явления и препятствует его расширительному толкованию в виде феномена культуры, которое приводит к размыванию смысла понятия «политическая культура». Мир политики, который присутствует в сознании людей, испытывает влияние таких общецивилизационных компонентов, как религия и идеология, достижения науки и техники и т.д.

Кроме того, завершая рефлексию по поводу сущности политической культуры, со ссылкой на отечественных политологов В.П. Пугачева и А.И. Соловьева отметим, что политическая культура может оказывать тройное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, существующая политическая куль-

тура может воспроизводить традиционные для общества формы политической жизни. И этому не мешают даже перемены в характере правящего политического режима. Во-вторых, политическая культура способна порождать и новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни, вносимые в политическую жизнь под влиянием заимствованных ценностей и технологий. В-третьих, политическая культура обладает возможностью комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства. Сохраняя базовые ценности и образцы поведения, она дает возможность имплантировать в социальную ткань конкретных обществ новые механизмы политического взаимодействия, обновлять и реконструировать текущие политические традиции.

Априори оценивая состояние политической культуры в Финляндии, на наш взгляд, следует отдать предпочтение двум последним трендам влияния, что будет показано в процессе дальнейшего изложения авторской мысли.

Дело в том, что индивидуальная ориентация финнов как в повседневной жизни, так и в сфере политики, которая для них стала средством решения жизненных проблем, априори была направлена на гендерный консенсус, в рамках которой «признание женских прав в Суоми было самым естественным процессом. При этом решающим фактором был... географически-климатический: недостаточно плодородная земля, мимолетное северное лето и бесконечные суровые зимы не оставили женщинам ни времени, ни возможности почувствовать себя слабым полом¹⁸.

Действительно, влияние внешних факторов трудно переоценить. Они порой оказывают доминирующее влияние на социальную систему, структурируя ее извне, воздействуя на микроклимат внутри коллективного единства. Скучная крестьянская жизнь на фоне продолжительной зимы и иных климатических сложностей диктовала создание такой модели социального устройства и поведения, в которой финским женщинам была уготована роль, равная с мужчинами в борьбе за существование. Гендерный консенсус, сложившийся в условиях, полных лишений, не разрушился и тогда, когда пришел к финнам определенный достаток.

Активистская политическая культура, сложившаяся к этому времени в стране, способствовала формированию, как мы отмечали «новых, нетрадиционных форм социальной и политической жизни», одной из которых стало развитие государство благосостояния. В этой стране, противореча принципам либерализма, отводящим государству роль ведомого, но не ведущего института, государство тем не менее играло и играет важнейшую роль в сфере экономики. Однако «государство не поставило экономику под бюрократический контроль. Вместо этого оно стало одним из главных агентов либерализации экономической системы. Финское государство использовало стимулы и стратегическое планирование в качестве дополнения к рыночным механизмам, а не в качестве их замены»¹⁹.

Современное государство всеобщего благосостояния – чудо финляндской социальной политики! – в какой-то степени продолжает удивлять исследователей. Отечественный исследователь Б. Кагарлицкий отмечает, что с точки зрения либеральной теории (так называемого Вашингтонского консенсуса) финны сделали все неправильно. Высокие налоги сохранялись, государство прямо участво-

вало в производственных и научных программах, сохраняя изрядную долю собственности, социальные расходы оставались на высоком уровне. По логике либеральных экономистов, все это должно было закончиться полной катастрофой. Между тем к началу XXI века Финляндия опережала США и многие другие страны и по темпам роста экономики, и по размаху технологических революций²⁰.

Именно государство всеобщего благосостояния создало для финских женщин высокий уровень комфорта и социальной защиты. В рамках сложившейся политической системы в Финляндии и Скандинавских странах достигнуто согласие по поводу основных принципов гендерного равенства. Эти принципы разделяются всеми политическими силами страны, что говорит как минимум о наличии в финском обществе политической культуры, характеризующейся достаточным уровнем гомогенности или консенсуальности. В политической культуре такого типа фиксируется присутствие весьма высокой сплоченности населения на основе разделяемых ведущих ценностей, к которым относятся постматериалистические ценности, о превалировании которых в индустриально развитых странах писал Р. Инглхарт в своей концепции «бесшумной революции»²¹.

Ученый предположил, что следствием социально-экономического развития является переход от материальных к постматериальным ценностям, к которым относятся снижение преклонения перед государственной властью и предпочтение таким индивидуальным ценностям, как дружба и добрососедство, толерантность и терпимость по отношению к социальным и национальным меньшинствам, одобрительное отношение к феминизму. Среди постматериалистических ценностей, по Инглхарту, высокое положение занимают ценности самовыражения и участия в принятии решений на всех уровнях, и, что очень важно отметить, господство постматериальных ценностей способствует терпимому отношению к разнообразию и является одним из условий функционирования активистской политической культуры и поддержания демократического политического порядка.

«Типичным для политической культуры страны является устойчивое требование справедливого и равного отношения ко всем гражданам. В силу открытости общества и прозрачности властных структур трудно скрыть от общественности какие-либо подковерные тайны»²², – отмечают финские исследователи Перти Песонен и Олави Риихинен. Одним из оснований для столь значимых выводов стали последствия финансового инцидента, разыгравшегося в Финляндии в 1997 г. и ставшего веской причиной для подозрения правительства страны в фаворитизме. Для сохранения веры в надежность финской экономической системы и высокого международного кредитного рейтинга министром финансов Арья Алхо была одобрена сделка, которая не выходила за рамки законности и даже стала оптимальной в сложившейся ситуации, однако, она подорвала общественное доверие к банкам. За короткое время министр Алхо утратила доверие представителей политических партий правительственной коалиции, а вскоре и парламентской фракции социал-демократов, что вынудило ее быстро подать в отставку, чтобы избежать вотума о недоверии правительству, сформированному социал-

демократами. Впервые в истории современной Финляндии министру пришлось покинуть свой пост по причине критики моральных аспектов принятия решения.

Эта история показала, во-первых, то, что общественное мнение, оценивающее отношения правительства и граждан страны, стало настолько значимым, что пренебрегать им – правительству же во вред. Во-вторых, наличие реального равенства женщин и мужчин, что и отразилось в отсутствии каких-либо скидок для чиновника, занимающего высокое положение независимо от половой принадлежности.

Поддерживаемое государством всеобщего благосостояния женское движение в Финляндии «стало рассматривать равноправие не только с точки зрения расширения прав и возможностей участия в экономической и политической жизни женщин, но и более широко – как изменение традиционной роли полов в обществе»²³. Не довольствуясь рынком труда, женщины-активисты сосредоточивают свое внимание на проблемах семьи, которые преимущественно и создают условия неравенства полов. Центральной в политике равноправия полов становится задача решительного изменения ролевого статуса мужчин. Если раньше мужчины ограничивались трудом на производстве, то начиная с конца 1970-х годов положение мужчин в Финляндии меняется. Финские мужчины «возвращаются» в семью: участвуют в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства. К изменению своего ролевого статуса финские мужчины отнеслись спокойно, с пониманием, поскольку, как уже было отмечено, финские женщины в суровых социальных условиях предыдущих десятилетий и даже столетий наравне с мужчинами участвовали в борьбе за выживание. В свою очередь государство взяло на себя обязательство предоставлять каждому ребенку место в детском саду, а учреждения социального страхования оказывают помощь в оплате ежемесячного счета. В новых условиях женщины получили возможность устраиваться на работу и пополнять семейный бюджет, что так же повышало их экономический статус. Финляндия стала одной из немногих стран с двойным семейным доходом. Экономический достаток послужил положительным фактором при решении демографических проблем. На законодательном уровне вслед за Швецией было принято решение о введении раздельного налогообложения мужа и жены. И это заметно отразилось на самостоятельном статусе женщин. Так создавались необходимые условия для политической самореализации женщин.

Политическая активность не занимает в жизни финнов доминирующего положения, хотя имеется и немало людей, испытывающих к политике подлинный интерес. Согласно проведенным в стране социологическим исследованиям, люди отдают предпочтение семье, для 80% респондентов она особенно важна. Что касается политики, то не более 20% находят, что она для них важна или в какой-то степени важна, а 25% ответили, что политика вообще не представляет для них интереса²⁴. Авторы, к сожалению, не сообщают о структурном составе респондентов с точки зрения их половой принадлежности, поэтому в качестве предположения можно высказать мысль о том, что подавляющее большинство респондентов – мужчины, которые традиционно интересовались политикой, однако, убедившись, что действующие политики, в том числе и женщины, весьма успешно справляются со своими обязанностями управленцев, сосредоточились на се-

мье и повседневных заботах о ее благополучии. Таким образом, политическая стабильность в стране, ее устойчивое экономическое развитие, на наш взгляд, так же дали финским женщинам своеобразный карт-бланш для их прихода в политику.

Если взглянуть на историческое прошлое страны, то обнаружится, что локомотивом движения за женскую эмансипацию были финские суфражистки – борцы за предоставление равных избирательных прав, которым удалось на законодательном уровне добиться введения всеобщего избирательного права. В этой ситуации вновь оказалась значимой роль внешнего фактора. Итогом революционных событий 1905 г. в России и ее поражения в Русско-японской войне стало подписание в 1906 г. Николаем II Сеймового устава, который предполагал создание в Финляндии, бывшей автономным образованием в составе империи, однопалатного Сейма, члены которого избирались на основе всеобщего и прямого избирательного права. Так, Финляндия стала первой европейской страной, в которой женщины получили избирательные права.

Продолжая использовать объяснительный потенциал понятия «политическая культура», уместно сослаться на хрестоматийную работу Г. Алмонда и С. Верба «Гражданская культура», в которой авторы предполагают, что институты и типы их действия в каждой политической системе должны соответствовать политической культуре нации²⁵. Следовательно, политическая культура Финляндии того времени – одного из провинциальных уголков Российской империи – уже была ориентирована и готова к восприятию не только демократического института выборов, но и женщин как граждан, пользующихся своим пассивным избирательным правом. Сам факт предоставления женщинам политических прав следует, на наш взгляд, трактовать как возможность политической культуры комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства страны.

Первые же выборы в парламент позволили женщинам занять в нем 10% депутатских мест. В 1920-х годах Мина Силланпяя, бывшая работница хлопковой фабрики и депутат парламента, стала первой в Финляндии женщиной-министром. С тех пор финские женщины-политики получили постоянную прописку в коридорах государственной власти. Гендерное равенство в политике отныне не рассматривалось как цель, преследуемая исключительно женскими феминистскими организациями. Оно представлялось могущественным ресурсом для всей страны.

По-настоящему политическим «лифтом», доставлявшим финских женщин к вершинам политической власти, были и есть политические партии, признанные институты европейской политики. Видя активизацию женщин, объединенных в общественные организации и движения, политические партии были вынуждены, исходя из познавательного-оценочной ориентации политической культуры, включать в свои программы положения о гендерном равенстве женщин в политике. В Финляндии были попытки создания женской партии²⁶, однако, они не увенчались успехом, поскольку ни одного места на последовательно прошедших парламентских выборах женской партии занять не удалось. В соответствии с существующим законодательством эта партия прекратила свое существование. Представляется, что причина происшедшего заключается в следующем: существовавшие

политические партии, созданные не по гендерному принципу, уже репрезентировали широкий круг интересов и потребностей женщин и выступали с инициативами в пользу женщин.

Подобные инициативы не замедлили перехватить и другие политические партии, представлявшие иные сектора политических предпочтений. Они создали женские секции в структурах своих партий и во многом преуспели, обеспечив своим организациям электоральную поддержку именно женщин.

Тем не менее, наиболее последовательным сторонником гендерного равновесия в политике оставалась Социал-демократическая партия Финляндии, представительница которой Тарья Халонен в 2000 г. стала одиннадцатым президентом страны. До этого у нее успешно сложилась министерская карьера: она последовательно занимала должности министра по вопросам социальной защиты, алкогольной политики и равноправия, министра по вопросам сотрудничества Северных стран, министра юстиции и министра иностранных дел. Причем последние две должности до нее не занимала ни одна финская женщина. Результат предпочтений в ее пользу на президентских выборах можно считать историческим, поскольку до этого лишь в четырех странах мира президентами были женщины.

Социал-демократический союз женщин Финляндии в своей деятельности не ограничивается лишь пределами страны: в орбите его интересов – продвижение политики гендерного равенства совместно с коллегами из России. Так, 31 августа - 2 сентября 2012 г. в Санкт-Петербурге состоялся российско-финский семинар по гендерной проблематике, который обнаружил наличие проблем, требующих решения. Финские женщины-политики не довольствуются достигнутым: они не скрывают, что полного равноправия финки не достигли до сих пор. По словам депутата финской Эдускунты (парламента) Туулы Гаатайнен, занимавшей в свое время кресла министра образования и министра социального обеспечения и здравоохранения, «при одинаковом образовании, квалификации и должности женщины получают 80 процентов от зарплаты мужчины. Также женщины страдают от временной работы. А еще большинство руководящих должностей в бизнесе занимают мужчины»²⁷. Речь идет о гендерной дифференциации оплаты труда – проблеме, как казалось, ставшей достоянием истории, однако, сохранившейся как атавизм от прежних авторитарных порядков в социальной сфере.

Страны Северной Европы, как отмечают исследователи, отличает высокий уровень солидарности – характерная черта их политической культуры, – который отражается в том, что лучшие социально-политические и экономические инновации тут же заимствуются соседними странами. Например, в Норвегии существует квота, в соответствии с которой на всех руководящих должностях должно быть не менее 40% женщин. Квотную систему использует и Норвежская рабочая партия, которая в соответствии с законом, утвержденным Стортингом (парламентом) в конце 1980-х годов, имеет в своем составе не менее 40% женщин. Кроме того, 40% всех кандидатов партии на выборах должны быть женщины.

Равняясь на норвежскую гендерную инновацию, о необходимости введения квоты заговорили и финские женщины-политики. Хотя, откровенно говоря, ситу-

ация с гендерным балансом в Финляндии никаких опасений не вызывает. В 2011 году женщины составили почти половину кабинета министров: 9 из 19 постов. В правительстве предыдущего премьер-министра, Мари Кивиниеми, их было большинство, но зато в этот раз Ютта Урпилайнен стала первой женщиной – министром финансов (пример настоящего комплимента женской практичности и уму). В настоящее время представительниц «слабого» пола в парламенте больше чем когда-либо: 86, что составляет примерно 43 процента от общего числа депутатов (200)²⁸.

Следует отметить, что благоприятным фактором, придающим финской политике женское обличье, является функционирующая в стране пропорциональная избирательная система, которая обеспечивает широкое и пропорциональное представительство в органах власти политических партий, социальных и национальных групп. Такая избирательная система отражает реальную расстановку политических сил и противоречивую мозаику политической жизни страны.

Таким образом, представленный в статье анализ дает основание для формулирования следующих выводов:

– женщины с наибольшей вероятностью могут снискать себе известность и право на участие в политике в эпоху революционных по значимости перемен;

– биологический детерминизм, трактованный, что все в человеке детерминировано биологией и физиологией, предопределял положение женщины в обществе, что приводило к убеждению о наличии существенных различий между маскулинным и феминным;

– образ женщины в политике преимущественно складывается, исходя из мужских стандартов поведения в этой сфере, поэтому в политике распространен синдром «железной леди» в силу господства представлений о жесткости и приверженности к насилию как наиболее результативных средств достижения успеха в политике;

– соперничающими по силе влияния факторами, способствовавшими возведению женщины в сфере политики Скандинавских стран и Финляндии в положение, равное с мужчинами, являются признание международным сообществом прав женщин как неотъемлемой части прав человека и сопутствовавшее этим завоеваниям политическая культура, поощрявшая многолетнюю борьбу с общественными предрассудками и ограничениями для женщин;

– в политической культуре Финляндии фиксируется присутствие высокой сплоченности населения на основе разделяемых ведущих ценностей, к которым относятся постматериалистические ценности, основывающиеся на отсутствии преклонения перед государственной властью и предпочтении индивидуальным ценностям (дружба и добрососедство), толерантности и терпимости по отношению к социальным и национальным меньшинствам, одобрительное отношение к феминизму;

– гендерный консенсус в Финляндии, сложившийся как условие выживания ее граждан на фоне суровой географически-климатической среды, получил импульс дальнейшего развития в современных условиях благодаря преимуществам государства всеобщего благосостояния и политическим «лифтам» в виде многопартийной политической системы.

Примечания

- ¹ См. Артемьева Л. Женщины и политика // Электронный ресурс: <http://rl-online.ru/articles/1-04/417.html> (дата обращения: 3.03.2013г.).
- ² Чикалова И. Женщины в политической теории // Электронный ресурс: <http://giacgender.narod.ru/n4t1.htm> (дата обращения: 15.04.2013г.).
- ³ Одноименное название одной из самых известных работ Ортеги - и - Гассета, получившая всеобщую признательность.
- ⁴ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 246.
- ⁵ Бахтева Е.Г. Вариативность образа женщины-политика в контексте визуальных форм политического юмора / VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22-24 ноября 2012г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 64.
- ⁶ Бахтева Е.Г. Вариативность образа женщины-политика в контексте визуальных форм политического юмора / VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22-24 ноября 2012г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 65.
- ⁷ См.: Кудряшова Е. В. Политическое участие женщин в Архангельской области // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. сборника Н. М. Степанова, М. М. Кириченко, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетея, 2004. С. 715.
- ⁸ Меир Голда. Моя жизнь / Пер. с иврита Р.Зерновой. Чимкент: МП «Аурика», 1997. С. 6.
- ⁹ См. Общая и прикладная политология. Под общей редакцией В.И.Жукова, Б.И.Краснова. М.: МГСУ: Изд-во «Союз», 1997. С. 585.
- ¹⁰ Словарь-справочник по правам человека: основные понятия и институты. М., 2006. С. 377.
- ¹¹ Конвенция о политических правах женщины. Принята резолюцией 640 (VII) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1952г. // Электронный ресурс: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml (дата обращения: 30.07.2013г.).
- ¹² В соответствии со сложившейся практикой эпохи «холодной войны», страны мира делились на три категории. Страны «первого мира» - это наиболее развитые капиталистические страны Европы и США, впоследствии получившие название «G7». К странам «второго мира» были отнесены социалистические страны Восточной Европы и СССР. И, наконец, «третий мир» - это развивающиеся страны, получившие независимость в 50-60-е годы XX века в результате распада колониальной системы.
- ¹³ См.: Айвазова С. Развитие идей гендерного равенства в международных правовых документах // Электронный ресурс: <http://www.owl.ru/win/books/gender/13.htm>. (дата обращения: 30.07.2013г.)
- ¹⁴ Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М.Антюшиной. М.: Издательство «Весь мир», 2008. С. 480; Кошелева К. Страна для женщин // Электронный ресурс: <http://www.stopinfin.ru/archive/150/11187/> (дата обращения: 14.03.2013г.).
- ¹⁵ См. Политология / под ред. М.А.Василика. М.: Гардарики. 2008. С. 363.
- ¹⁶ Фарукшин М.Х. Политическая культура / Категории политической науки: очерки / Казан. Гос. ун-т им. В.И.Ульянова – Ленина; каф. Политологии; под ред. М.Х.Фарукшина. Казань: центр инновационных технологий, 2007. С. 176.
- ¹⁷ К.Кошелева. Страна для женщин // Электронный ресурс: <http://www.stopinfin.ru/archive/150/11187/> (дата обращения: 14.03.2013г.).
- ¹⁸ Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М.Антюшиной. М.: Весь мир, 2008. С. 204.
- ¹⁹ Там же. С. 204.
- ²⁰ См. Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12.
- ²¹ Песонен П., Риихинен О. Динамичная Финляндия. (Перевод А.Рупасова). Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом», 2007. С.164.
- ²² Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М.Антюшиной. М.: Издательство «Весь мир», 2008. С. 481.

²³ Песонен П., Риихинен О. Динамичная Финляндия. (Перевод А.Рупасова). СПб: Европейский Дом, 2007. С.152.

²⁴ Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 128.

²⁵ Из всех государств Северной Европы только в Исландии существует женская партия, деятельность которой расценивается весьма положительно в политической жизни страны.

²⁶ Финский парламент: равноправие в Суоми начинается с семьи // Электронный ресурс: <http://norse.ru/society/suomi/suomi-parlament.html> (дата обращения: 15.03. 2013г.).

²⁷ Кошелева К. Указ. соч.

²⁸ Молодые женщины идут в политику // Электронный ресурс: <http://www.goodnewsfinland.ru/arhiv/mesyaca/0d9117c2/ef5112ff/> (дата обращения: 15.03. 2013г.).

E.V. Suslov

THE PHENOMENON OF FININSH WOMAN IN POLICY

Key words: *gender equality; political culture; biologest determinism; women's movement in Finland.*

Peculiarities of the North European patern of women's presence in policy consid-ers at the example of women's participation in political life of Finland. The landmarks of consecutive advancement in the world of ideas and practices of gender equality; the author analyses potential category «political culture of Finland» in the sphere realiza-tion of gender balance.